

University
of Glasgow

White, S. and McAllister, I. (2008) *Belorussiya, Ukraina i Rossiya: vostok ili zapad?* Mir Rossii, 2008 (4). pp. 37-59. ISSN 1811-038X

<http://eprints.gla.ac.uk/44783>

Deposited on: 24 February 2011

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Белоруссия, Украина и Россия: Восток или Запад?*

СТ. УАЙТ, А. МАКАЛЛИСТЕР

Белоруссия и Украина — представители так называемых «промежуточных государств». Своим языком, религией и историей они, с одной стороны, связаны с Западом, а с другой — по-прежнему тяготеют к бывшим советским республикам, к числу которых некогда относились сами. Данные национальных представительных опросов, проведенных в период с 2000 г. по 2008 г., свидетельствуют о том, что чувство «европейства» в этих странах ослабевает так же, как и в России. Количество людей, поддерживающих инициативы по вступлению в Европейский союз или присоединению к НАТО, неуклонно снижается. Все три государства в большей степени склонны отождествлять себя с Содружеством Независимых Государств. Кроме того, собранный эмпирический материал свидетельствует о том, что противоречия во внешнеполитической ориентации в большей мере выражены на Украине, где общественное мнение является серьезным ограничением для действий властей.

Введение

«Холодная война» породила две противостоящие сферы влияния, что, в свою очередь, привело к формированию двух типов идентичностей. Верили ли жители социалистических стран в идеалы и цели, декларируемые государством, или нет, эти страны все равно являлись частью сложной системы ценностей, альянсов и институтов. Они отождествляли себя с «социалистическим миром», в котором сформировался особый, коллективистско-материалистический, образ жизни. Их хозяйственные и политические системы были взаимосвязаны. Границы охранялись посредством общего военного альянса. Если и было куда ехать в отпуск, то, скорее всего, это было Черное море, а не Средиземное; если покупалось вино, то, как правило, оно разливалось в Болгарии или Венгрии; если речь шла о предпочтениях по поводу книг, то, наиболее вероятно, выбор сходилась на Горьком, а не Пастернаке или Солженицыне (в крайнем случае, это была Библия). И все это отнюдь не является заблуждением. Более двух третей совокупного объема советской внешней торговли в конце 1980-х годов приходилось на страны социалистического лагеря; «голоса» зарубежных радиостанций продолжали глушиться; и несмотря на то что туристические поездки за пределы страны становились все более частыми, более 90% выезжающих посещали страны

* Более ранняя версия этого доклада была презентована на 39-м ежегодном съезде Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (Новый Орлеан, 15–18 ноября 2007 г.). Исследование было выполнено при поддержке Британского совета по экономическим и социальным исследованиям, грант RES-000-23-0146 на имя Ст. Уайта, Р. Эллисон и М. Лайт, а также Фонда Наффилда, грант SGS 32823 на имя Ст. Уайта. Кроме того, большую помощь в исследовании нам оказала Ю. Коростелева.

социалистического блока (и лишь менее 7% имели возможность выехать в развитые капиталистические страны [Народное хозяйство... 1988, с. 602, 683]).

Когда берлинская стена была разрушена, мир изменился. Одни государства распались (СССР, Чехословакия, Югославия), другие, наоборот, воссоединились (две Германии). Многие страны воспользовались вновь обретенным суверенитетом для формирования новых союзов. Некоторые из них присоединились к Европейскому союзу и даже НАТО. Другие вошли в состав Содружества Независимых Государств, образованного в конце 1991 г. после распада СССР. Некоторые стали членами многочисленных организаций, образовавшихся на постсоветском пространстве, включая Евразийское экономическое сообщество, Организацию договора коллективной безопасности и Единое экономическое пространство. Наиболее тесным стал «союз», образованный Россией и Белоруссией. Сама Россия оформила членство в организациях, объединивших государства, которые не были частью СССР, таких, например, как Шанхайская организация сотрудничества. Другие бывшие советские республики присоединились к организациям, членом которых Россия не являлась: например, Организация за демократию и развитие ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия). Проблемы внешнеполитической ориентации особенно обострились в «промежуточных странах» — славянских государствах, бывших частью СССР, но географически принадлежавших Европе и ныне разрываемых между исторически обусловленными обязательствами перед организациями, созданными в советском прошлом, — общественными, экономическими и военными — и приглашением стать полноценным экономическим и военным сотрудником Запада.

Пожалуй, наиболее фундаментальным из всех этих изменений был поворот к Европе. И география здесь ни при чем: время от времени границы меняются [Wolff 1994]. Примером стран, фактически объединивших географическую границу, являются Россия и Казахстан. Стоит ли в этом случае говорить о цивилизационном факторе? Несмотря на то что в своих работах Хантингтон уделяет христианско-исламской дихотомии внимания больше, чем какой-либо другой, он также обращает внимание на дихотомию между Западом (со свойственным ему индивидуализмом, окончательной секуляризацией, торжеством закона и рыночной экономикой) и православным Востоком, тоже христианской цивилизацией, где, тем не менее, церковь и государство тесно связаны между собой. Согласно Хантингтону, эти отличительные черты формировались на протяжении нескольких веков и являются «более фундаментальными, чем различия в политической идеологии и режимах». Эта дихотомия стала причиной «раздвоения» на Украине и в Белоруссии и столь же противоречивой природы российского государства, которое по-прежнему нельзя считать в полной мере «европейским» или «азиатским». Дискуссии на эти темы ведутся еще со времен переписки Пушкина с Чаадаевым в начале XIX в. [Huntington 1993, р. 29—31, 43—44].

В данной статье мы попытаемся внести свой вклад в обсуждение этих вопросов, сконцентрировав внимание на Белоруссии и Украине — странах, которые, с одной стороны, являются частью славянского мира и принадлежат к разным институциональным системам, а с другой — образуют буферную зону вокруг Европейского союза и официально провозглашают свою евроатлантическую направленность (в случае с Украиной).

Мы основываемся на эмпирическом материале национальных представительных опросов, проведенных в период с 2000 г. по 2008 г., которые являются частью большого исследования, предусматривающего как проведение фокус-групп и интер-

вью с представителями национальных элит, так и изучение многочисленных печатных источников (подробнее об опросах см. в Приложении).

«Промежуточные страны»

Белоруссию и Украину трудно классифицировать в терминах принадлежности к определенным цивилизациям. Белоруссия, прежде всего, — страна с православным населением, хотя и с существенной католической составляющей. Большинство населения говорит на русском языке, меньшинство (10%, согласно данным нашего опроса 2006 г.) в быту все же использует белорусский язык. Изначально Белоруссия сформировалась в составе Киевской Руси, однако позднее была присоединена к Великому Литовскому Княжеству, которое слилось с Польшей в XVI в. После этого она вновь вошла в состав Российской империи (значимость этих событий отмечается в [Snyder 2003] и [Plokhy 2006]).

В терминах семи или восьми «цивилизаций» Хантингтона однозначно определить принадлежность Белоруссии сложно: ее западная часть попадает в зону влияния западного христианства, в то время как центральные и восточные регионы являются преимущественно православными [Huntington 1996, p. 159]. Эта двойственность (как мы еще увидим) сохранилась, несмотря на двухсотлетнюю историю государства в составе Российской империи и позднее СССР. В конце 1980-х годов на фоне активного выступления ряда государств в пользу собственной независимости Белоруссия была одной из немногих республик, оказавших наиболее сильную поддержку СССР на референдуме за восстановление союза, состоявшемся в марте 1991 г.

После распада Советского Союза возникли вопросы о положении Белоруссии относительно других государств. Вместо того чтобы принять участие в процессах демократизации наряду с другими бывшими союзными республиками, Белоруссия выбрала совершенно иное направление. Об этом свидетельствует ряд институциональных изменений, произошедших в стране в 1996 г., приведших к укреплению авторитарности власти и заставивших госсекретаря США охарактеризовать Белоруссию как «последнюю диктатуру в сердце Европы» [Rice 2005]. Соответствующим образом эти события наложили отпечаток и на внешнюю политику государства. Сначала новая независимая Белоруссия повернулась в сторону западных соседей, отказавшись от ядерного арсенала, подписав ПРМ («Партнерство ради мира») и инициировав переговоры по поводу присоединения к Соглашению о сотрудничестве и партнерстве с ЕС в 1994 г. Однако референдум, который привел к изменению Конституции страны, на Западе не был воспринят положительно. В итоге Соглашение о сотрудничестве и партнерстве так и не вступило в силу, а Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе приостановила статус гостя, который был присвоен Белоруссии вплоть до января 1997 г. Официальная политика этой страны изменилась в пользу более тесного сотрудничества с Россией, сначала в виде образования содружества между этими двумя государствами, а затем в виде союза, который был сформирован в 1997 г. Эти события происходили на фоне расширения границ НАТО и ЕС, что побудило ряд соседних стран вступить в обе организации.

Никакая другая страна не приблизилась к Российской Федерации настолько, чтобы можно было начать обсуждение (по крайней мере, с российской стороны) вопроса о ее вступлении в состав России (в нашем опросе 2006 г. 51% россиян поддержали создание единого государства; в Белоруссии 33% одобрили такое развитие

событий и еще 8% положительно отнеслись к идее вхождения Белоруссии в состав России в качестве одного из субъектов Российской Федерации). Однако президент Белоруссии А.Г. Лукашенко настаивал на сохранении белорусского суверенитета и как минимум равноправном статусе своей страны в новообразованном союзе. При этом его заявления относительно европейских соседей оставались неосторожными и неоднозначными. «Беларусь не выбирает ни Восток, ни Запад. Мы выбираем Беларусь! Беларусь, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе», — так объясняет позицию своей страны ее президент [Лукашенко 2004, с. 45]. Эта позиция была навеяна майским раундом расширения ЕС в 2004 г., который оставил Беларусь, согласно Лукашенко, между мировым экономическим гигантом, Европейским союзом, на Западе и евразийским гигантом, Россией, на Востоке. «Белоруссия не буферное государство и не вассал ни Европейского союза, ни России», — пояснил Лукашенко. Однако вследствие совпадения некоторых интересов она, скорее всего, «станет членом ЕС» (цит. по [Allison, White, Light 2005, p. 490–491]).

Внутреннее устройство Украины столь же неоднозначно, если принять во внимание неоднородность ее регионов: православные и русскоязычные восток и юг, и преимущественно католический и украиноязычный запад. Исторически Киев был центром зарождения русской государственности. С XIV в. до середины XVII в. эта территория принадлежала Польско-литовскому союзу, однако позднее она вошла в состав Российской империи, а затем в состав СССР. Что касается западной ее части, то некоторое время она принадлежала Австро-Венгерской империи и затем Польше (до 1939 г.). Крым, расположенный на юге страны, вошел в состав Украинской республики в 1954 г. В 1944 г. татары, населявшие эти территории, были вынуждены покинуть свои дома в результате происходившей в годы войны депортации. Все эти изменения внесли свою лепту в языковое и религиозное разнообразие современной Украины. Согласно данным проведенного нами в 2006 г. опроса, почти 80% респондентов отнесли себя к украинцам, 17% продолжают считать себя россиянами; среди опрошенных нами было выявлено 40% украинских православных и 26% русских православных. Что касается языковых различий, то 51% респондентов в быту используют украинский язык и 46% — русский.

Все указанные выше различия имеют территориальную привязку. Южные и восточные территории страны населены преимущественно русскоязычными и приверженцами Московской патриархии, тогда как в западных регионах большую часть населения составляют украиноязычные католики и приверженцы Киевской патриархии. Согласно данным опроса 2006 г., 76% украинцев, проживающих на востоке, говорят по-русски, в Киеве — 77%, тогда как в западных и северных регионах украиноязычных 91% и 78% соответственно¹. 35% западных украинцев отнесли себя к греко-католикам, по сравнению с 8% по стране в целом. Все это свидетельствует о «смешанной реальности современной Украины» [D'Anieri 2007, p. 106]. При этом восточная Украина более урбанизирована, чем западная, в связи с чем на ее территории довольно высок образовательный уровень населения, а вместе с тем и высока доля русскоговорящего и русского православного населения. Различия между восточны-

¹ См., в частности [Allison, Light, White 2006]. Полная информация о проекте находится по адресу: www.lbss.gla.ac.uk/politics/inclusionwithoutmembership. Полный список публикаций см. по адресу: <http://www.esrcsocietytoday.ac.uk/ESRCInfoCentre/AdvancedSearchPage3.aspx>.

ми и западными регионами отмечаются и в социальной структуре их населения (см., например [Birch 2000; Shulman 2004; Barrington, Herron 2004; Katchnovski 2006]).

Внутренняя неоднородность Украины играет огромную роль во внешней политике государства, которая строится на принципах поддержания хороших отношений и с Россией, и с Европейским союзом и странами НАТО. В декабре 1991 г. в качестве одной из стран-основателей Украина вошла в состав Содружества Независимых Государств (СНГ) и настаивала на том, чтобы статус этой организации не имел надгосударственного характера. С 2002 г. Украина является наблюдателем в составе Евразийского экономического сообщества, а в сентябре 2003 г. принимала участие в создании Единого экономического пространства, несмотря на то что на тот момент Украина уже не входила в Организацию Договора о коллективной безопасности. Партнерские отношения с бывшими советскими республиками и Россией обусловлены тем, что Россия является самым крупным торговым партнером Украины. Торговый оборот Украины со странами СНГ и Россией в 2006 г. составлял порядка 40% от общего объема внешней торговли страны. Формально отношения между Россией и Украиной основаны на Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, который был подписан в 1997 г., несмотря на то что многие вопросы остались нерешенными. В частности, до сих пор не решена проблема со статусом морской базы в Севастополе и русскоязычного населения полуострова, на котором она находится [Kuzio 2007a].

Однако вместе с поддержанием более или менее дружественных отношений с Россией и другими бывшими советскими республиками Украина стремится наладить более тесные отношения с Европейским союзом и НАТО. Так, отношения с Европейским союзом развиваются в рамках Соглашения о сотрудничестве и партнерстве (1994 г.). Это соглашение должно было быть замещено новым соглашением в процессе переговоров, которые начались в 2007 г. Отношения с НАТО базируются на Главе об Исключительном партнерстве, подписанной на Мадридском саммите НАТО в июле 1997 г., а также на деятельности комиссии НАТО – Украина, созданной в то же время в целях развития двусторонних отношений. Украина была первой страной СНГ, присоединившейся к соглашению «Партнерство ради мира» (1994 г.), а в мае 2002 г. украинские власти впервые официально заявили о возможности будущего членства в НАТО. При этом НАТО отнюдь не стремилась к такому развитию событий и расширению рамок сотрудничества, существовавших на тот момент. В частности, это было обусловлено тем, что более тесные отношения с Украиной могли отрицательно сказаться на отношениях с Москвой. Однако внутри страны позиция в отношении сотрудничества с НАТО не была столь однозначной: летом 2006 г. состоялись многочисленные акции протеста, в результате которых были отменены запланированные военные учения в Черном море. Результаты опросов общественного мнения, проведенных в Крыму, свидетельствуют о неприятии населением перспектив такого сотрудничества².

Разногласия между восточными и западными территориями отчетливо проявились в ходе президентских и парламентских выборов на Украине (см., например [Wilson 2005; Åslund, McFaul 2006; Hesli 2007; Kuzio 2007b]). В. Ющенко, победивший во втором туре президентских выборов в декабре 2004 г., открыто настаивал на развитии отношений со странами евроатлантического блока, в то время как его оппонент

² Так, например, в Крыму на референдуме в декабре 2006 г. 98% граждан высказались против вступления в НАТО при явке около 60% [Известия, 18 декабря 2006]. Перспективы Украины рассмотрены в [Palii 2006].

В. Янукович предлагал во внешней политике ориентироваться на славянских соседей и присвоить русскому языку статус официального наряду с украинским. Во время визита в Брюссель в качестве премьер-министра после победы его партии на парламентских выборах в марте 2006 г. Янукович утверждал, что Украина пока еще не готова к членству в НАТО [Известия, 15 сентября 2006, с. 6]. В начале 2008 г. Ющенко призывал присоединиться к плану действий по подготовке к членству в НАТО при первой же возможности. Однако НАТО не стремилась торопить события и оба лидера сошлись на том, что для принятия подобных решений необходимо проведение специального референдума (к тому же Ющенко подобное развитие событий было политически невыгодным, поскольку результаты опросов общественного мнения предвещали его поражение в случае голосования по данному вопросу).

Таким образом, выборы продемонстрировали раскол современного украинского общества. После каждого раунда новым властям требовалось определенное время для того, чтобы научиться управлять парламентским большинством. Каждая новая администрация представляла собой неустойчивую коалицию, не способную выработать единую позицию по вопросам внешней и внутренней политики. Еще одним источником рассогласованности стали конституционные изменения, принятые в годы «оранжевой» революции. Усилия правительства по согласованию позиции во внешней политике оказались тщетными, даже Конституционный суд не смог устранить возникшие разногласия (установившейся на Украине президентско-парламентской системе присущи подобные рода трения). Еще одним фактором рассогласованности являются постоянные кадровые перестановки в правительстве. Так, например, Б. Тарасюк, глава внешнеполитического ведомства, который был фаворитом президента в связи с его абсолютно прозападной ориентацией, не допускался к заседаниям правительства и в итоге в январе 2007 г. был вынужден покинуть пост.

Изучение внешних отношений с помощью анализа суждений и представлений известно как «конструктивизм». В данной статье мы исходим именно из этой теоретической традиции. В отличие, например, от неореализма конструктивизм уделяет особое внимание «восприятию и осмыслению человеком собственного места в системе международных отношений» [Jackson, Sørensen 2007, p. 162]. Международный порядок воспринимается как некий социальный конструкт, а не как объективная, внешне заданная по отношению к наблюдателю реальность. Соответствующим образом «изучение международных отношений должно основываться на идеях и убеждениях, которые используются участниками международной политической сцены в качестве ключевой информации для принятия решений наряду со взаимным пониманием и разделяемыми взглядами» [Ibid]. В следующей работе [Hopf 2002] была предпринята попытка проанализировать не только то, как в современном посткоммунистическом контексте формируется государственная идентичность во взаимодействии с идентичностями других стран, но и то, как эта идентичность формируется во взаимодействии с собственным обществом и теми разногласиями, которые ему присущи [Ibid, p. 294]. «Конструктивизм» подвергался критике в связи с тем, что он не способен объяснить то, «как формируются нормы и идентичности, и как формируются интересы»; «сам по себе он не говорит нам ни о чем, кроме как об ожидаемой сущности внешней политики или международных отношений» [Jervis 1998, p. 976; Zehfuss 2002]. Кроме того, нельзя утверждать, что убеждения и нормы не принимались в расчет неореалистами. Тем не менее конструктивизм отдает должное центральному месту культуры и идентичности в изучении мировой политики.

Конструктивисты не всегда способны четко сформулировать уровень своего анализа: в частности, ответить на вопрос, присущи ли некие «идентичности и разногласия» тем, кто принимает решения (а это значит, что они могут оказаться довольно подвижными, поскольку одни ответственные лица могут быть заменены другими), или обществу в целом (что свидетельствует о более или менее стабильных тенденциях, но не способно объяснить специфику выбора)³. Так, в Белоруссии нам трудно было найти какую-либо связь между внутренними представлениями и реальной внешней политикой, которая полностью контролируется ее авторитарным президентом. Однако на Украине эта связь выражена гораздо лучше, что является следствием конституционных реформ 2004–2006 гг., обеспечивших парламенту больше полномочий и, соответственно, возможность дискуссий по поводу тех или иных решений. В любом случае можно утверждать, что проблема «идентичности» актуальна для обеих стран.

Запад

Сначала в данном конструктивистском ключе мы попытаемся проанализировать источники выбора в пользу Запада, используя информацию о том, какая часть населения Белоруссии и Украины, а также (в целях сравнения) России считает свою принадлежность хотя бы частично европейской⁴.

Результаты представлены в табл. 1. При этом сразу же заметен ряд трендов. Во-первых, во всех трех случаях чувство «европейства» имеет тенденцию к снижению по мере расширения границ Европейского союза. Наиболее сильно она выражена в России, по крайней мере в 2005 г., однако аналогичные тенденции характерны для Белоруссии и Украины. Более половины опрошенных в России и Белоруссии в 2000 г. в какой-то мере относили себя к европейцам, на Украине — около трети респондентов. Однако спустя 6–7 лет это ощущение заметно убавилось во всех трех странах: в меньшей степени в Белоруссии, хотя доля тех, кто «иногда» или «никогда» не считал себя европейцем, наряду с этим заметно увеличилась. Поведение украинцев в этом отношении более или менее устойчиво на протяжении рассматриваемого периода, тогда как россияне все больше разубеждались в своей европейской принадлежности. При этом более половины респондентов в России и Украине в 2007–2008 гг. уже не считали себя европейцами.

Безусловно, европейская/неевропейская идентичность не является единственно возможной. Тем не менее сложно себе представить формулировку вопроса и ответы, которые были бы способны полностью устранить вероятную неоднозначность их интерпретации. В связи с этим мы также воспользовались данными «Евробарометра». Опросный лист содержал вопрос об идентичностях респондентов, предполагавший более широкий набор ответов и, более того, обеспечивавший сопоставимость результатов по ряду стран. Результаты обобщены в табл. 2. Первое, что бросается в глаза при их рассмотрении, — во всех странах преобладающая часть опрошенных определяет

³ См. [Almond 1950; Holsti 2004]. По Украине, в частности, см. [Chudovsky, Kuzio 2003].

⁴ Как было замечено в [Cederman 2001, p. 1]: Европа «принадлежит к наиболее неоднозначным и спорным объединениям сегодняшней международной системы». К тому же значительная часть литературы основана на довольно сомнительных данных «Евробарометра», который курируется и финансируется Европейской комиссией [Baucraft 2004, p. 154]. Среди последних источников: [Herrmann, Risse, Brewer 2004; Buonanno, Deakin 2004; Bruter 2005]. Мы также приняли участие в дискуссии: [Allison, White, Light 2005; White, Korosteleva, Allison 2006; Korosteleva, White 2006; White, Korosteleva, McAllister 2008].

Таблица 1. Европейская идентичность (2000–2008 гг.), %

	Белоруссия			Украина				Россия		
	2000 г.	2004 г.	2006 г.	2000 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.
«В значительной степени»	16	9	11	8	6	6	5	18	7	8
«В какой-то мере»	34	25	29	26	20	22	23	34	18	19
«Иногда/никогда»	38	54	54	57	62	66	64	47	68	63
<i>N</i>	1090	1599	1000	1590	2000	1600	1200	1940	2000	2000

Источник: Опросы (см. Приложение). Вопрос был сформулирован следующим образом: «Считаете ли Вы себя европейцем?» В 2000 г. предлагались другие варианты ответов: «Часто», «Иногда» или «Никогда». Приведены округленные процентные данные без учета незаполненных ответов.

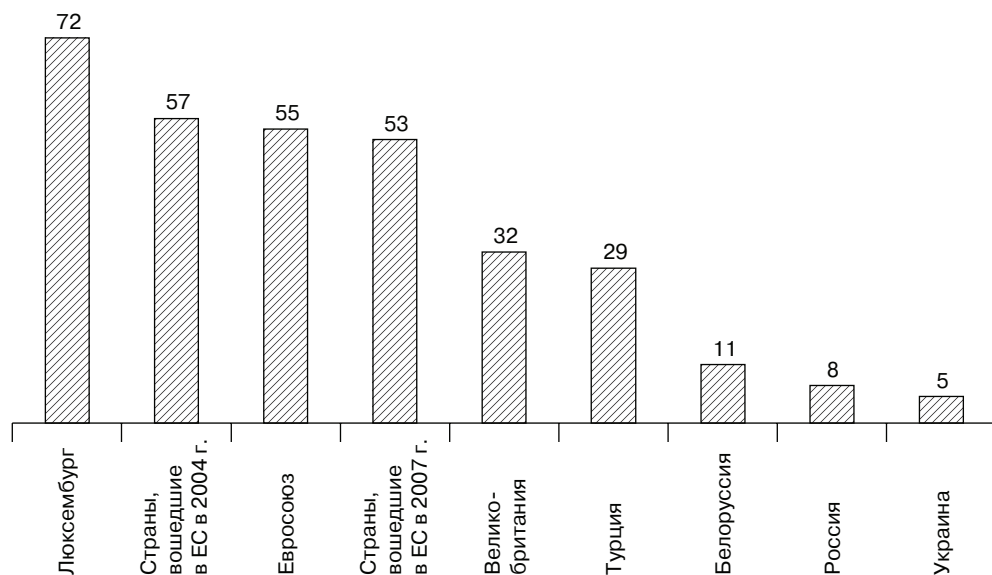
себя прежде всего как граждан своей страны. Практически в той же степени респонденты склонны считать себя жителями своих поселений и в несколько меньшей — регионов. Значительно меньшее число людей во всех случаях выбирали европейскую идентичность в качестве основной или даже вторичной. Более «европейскими» из всех, как можно было ожидать, считают себя белорусы, причем это ощущение за рассматриваемый нами период усилилось. Однако даже в Белоруссии чувство гражданства выражено намного сильнее, чем чувство принадлежности к Европе. Как видно, в России склонность отождествлять себя с Европой распространена довольно слабо, что также верно для ее центрально-европейских регионов. Заметим, что спустя более десяти лет после распада СССР, группа идентифицирующих себя с этим государством весьма малочисленна.

Таблица 2. Европейская и прочие идентичности (2004–2008 гг.), %

	Белоруссия		Украина			Россия	
	2004 г.	2006 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2005 г.	2008 г.
Европейская	16	20	10	12	11	8	11
Евразийская	2	3	2	2	1	3	4
Советская	10	12	11	9	11	13	14
Гражданин своей страны	72	85	69	68	69	76	70
Житель своего региона	18	25	27	33	31	29	36
Житель своего поселения	65	50	69	64	62	69	64
<i>N</i>	1599	1000	2000	1600	1200	2000	2000

Источник: Опросы (см. Приложение). Вопрос был сформулирован следующим образом: «Кем из следующего списка Вы прежде всего себя считаете? Кем еще?» Представлен округленный процент тех, кто дал ответ на вопрос, исходя из возможности выбора двух вариантов без учета незаполненных ответов.

Если сравнивать страны, входящие в состав Европейского союза, и страны, не имеющие перспективы в ближайшем будущем обрести членство в ЕС, то в первых европейская идентичность выражена заметно сильнее. «Евробарометром» был предусмотрен вопрос, предлагающий респондентам выбрать один вариант из следующих: думают ли они о себе как о гражданах своей страны; думают ли о себе как о европейцах; относятся ли они к тем, и к другим одновременно. Согласно полученным результатам, порядка 55% опрошенных во всех странах — участницах ЕС определяют свою европейскую идентичность в качестве основной или вторичной. Наши собственные данные свидетельствуют о том, что в Белоруссии, на Украине и в России таковых не более 20% (тогда как склонны отождествлять себя со своей собственной страной не менее 68% жителей этих государств). Так, в Соединенном Королевстве, являющемся полноправным членом ЕС, соответствующая величина составляет 32%, тогда как в странах, вошедших в ЕС в 2004 г. (например, в Чешской Республике (рис. 1)), — не менее 49%. При этом степень отождествления с Европой в Белоруссии, Украине и России не просто ниже, чем в странах, которые стоят на очереди во вступление в ЕС, она также ниже уровня, демонстрируемого Турцией, которая является преимущественно азиатской страной, имеющей мало шансов быть принятой в ЕС в ближайшем будущем⁵.

Источник: Построено по данным табл. 1 и [Евробарометр 2006, с. 41–43].

Примечание. Приведенные показатели — доли респондентов, ставящих европейскую идентичность на первое или второе место.

Рис. 1. Чувство «европейства» (2006–2008 гг.)

⁵ Результаты получены на основании данных «Евробарометра» [Евробарометр 2006, с. 41–43] 25 января 2008 г. В Болгарии и Румынии, которые стали членами ЕС в 2007 г., соответствующие показатели составили 47% и 59% соответственно. В Хорватии, которая не является членом ЕС, данный показатель достигает 64%.

Кроме того, мы задавали вопрос о поддержке членства в ЕС или НАТО (и в том и в другом случае речь шла о гипотетическом выборе на момент опроса). Как и в случае с европейской идентичностью, поддержка членства в ЕС для всех трех стран снижалась на протяжении рассматриваемого периода. Тем не менее членство в ЕС пользуется определенной популярностью вне зависимости от числа сторонников и оппонентов. Большая часть респондентов либо продемонстрировали равнодушие к этому вопросу, либо не смогли четко сформулировать свою позицию. Заметим, что практически во всех случаях показатель негативного отношения к членству невысок (кроме Украины в 2006 г., что, по всей видимости, связано с вмешательством ЕС во внутреннюю политику страны в связи с выборами). Вполне ожидаемо было и то, что поддержка членства в ЕС тесно коррелирует с ощущением «европейства»: те, кто считал себя «в значительной степени европейцем», в 3 раза чаще были склонны поддерживать членство в ЕС, чем остальные. Эти респонденты смогли точно определить ЕС в предложенном им списке реальных и вымышленных международных организаций и ответить на вопрос о том, где располагается его штаб-квартира. Поразительным результатом оказалось то, что они также в 4–5 раз чаще положительно отзывались о целях и деятельности ЕС, чем все остальные, и, соответственно, наоборот: те, кто положительно оценивали деятельность ЕС, в 4–5 раз чаще высказывались в поддержку членства в ЕС.

Таблица 3. Отношение к членству в Европейском союзе (2000–2008 гг.), %

	Белоруссия			Украина				Россия	
	2000 г.	2004 г.	2006 г.	2000 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2005 г.	2008 г.
«Полностью поддерживаю»	23	26	17	23	20	17	18	19	13
«Поддерживаю»	32	34	30	34	35	30	36	37	20
«Против»	11	8	18	7	11	18	15	12	8
«Абсолютно против»	5	3	8	4	6	17	8	7	4
«Не знаю»/ «Затрудняюсь ответить»	29	29	27	32	28	19	24	25	56
<i>N</i>	1090	1599	1000	1590	2000	1600	1200	2000	2000

Источник: Опросы (см. Приложение); округленные процентные данные.

Как и ожидалось, перспективы членства в НАТО являются не столь популярными, и отношение к нему имеет тенденцию к ухудшению (табл. 4). Негативное отношение к этой организации особенно сильно на Украине, где проблема членства сегодня активно обсуждается и где общественное мнение может оказаться решающим (согласно другим нашим данным, поддержка НАТО на Украине постоянно снижалась, начиная как минимум с 2000 г., когда соответствующий вопрос впервые был введен в анкету [Panina 2006, p. 17]). Основываясь на результатах пилотирования нашей анкеты, мы приняли решение включить возможность выбора нейтрального ответа и

тем самым выявили значительное число респондентов, проявивших равнодушие к данной проблеме (в 2008 г., где этот вариант не был представлен, значительно возрос процент тех, кто затруднился ответить на данный вопрос). Многие респонденты в принципе затруднились сформулировать свою точку зрения. Как и ожидалось, поддержка членства в НАТО связана со степенью информированности об этой организации. Так, например, те, кто поддержали союз с НАТО, смогли определить НАТО в предложенном им списке реальных и вымышленных международных организаций и рассматривали альянс как средство укрепления национальной безопасности. И несмотря на то что часть этих респондентов отнеслась к членству в НАТО как к «базе западной экспансии», все они положительно отнеслись к заключению союза с этой организацией.

Таблица 4. Отношение к членству в НАТО (2004–2008 гг.), %

	Белоруссия		Украина			Россия	
	2004 г.	2006 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2005 г.	2008 г.
«Полностью поддерживаю»	5	5	5	4	4	5	4
«Поддерживаю»	17	7	18	13	15	17	18
«Все равно»	29	31	28	19	20	34	—
«Против»	15	25	16	28	26	18	25
«Абсолютно против»	6	8	8	20	19	6	19
«Не знаю»/ «Затрудняюсь ответить»	27	28	26	16	16	21	34
<i>N</i>	1599	1000	2000	1600	1200	2000	2000

Источник: Опросы (см. Приложение); округленные процентные данные.

Какие факторы объясняют склонность к выбору в пользу Запада? Мы предложили гипотезу, согласно которой респонденты, в большей степени ориентированные на Запад, должны быть моложе, иметь более высокий уровень образования и социально-экономический статус, чем те, кто поддерживает Восток. Чем моложе респонденты, тем короче период их социализации, пришедшийся на время существования советской системы. Чем выше их образовательный статус и уровень благополучия, тем с большей вероятностью они обладают качествами, необходимыми для успешной адаптации к рыночным условиям, ассоциируемым с западным образом жизни. Более того, другими исследователями уже было найдено эмпирическое подтверждение гипотезы о большей склонности молодежи и тех, кому удалось адаптироваться к рыночной экономике, к западной ориентации [Kubicek 2000, p. 282]. В одной из более ранних работ авторов данной статьи было обнаружено, что возраст респондентов тесно связан с их отношением к членству в Европейском союзе (данные по Украине). Среди других факторов были выявлены следующие: высокий уровень образования, урбанизированность поселения, хорошие экономические условия и гендерная принадлежность [White, McAllister, Light 2002, p. 143–144]. Мы также предполагаем, что

сторонники Запада менее националистичны в своих взглядах и в меньшей степени склонны использовать в быту официальный государственный язык⁶.

Результаты тестирования наших предположений представлены в табл. 5. Данная модель объясняет склонность респондентов поддерживать западные настроения в зависимости от ряда переменных, включающих в себя как социально-экономические характеристики опрошенных, так и их отношение к ЕС. Зависимая переменная представляет собой шкалу, построенную на основе информации о поддержке респондентом вступления в ЕС или НАТО⁷.

Наибольшая объясняющая способность этой модели проявилась в случае с Украиной (объяснена почти четверть вариации, по сравнению с Белоруссией и Россией, где коэффициент *R*-квадрат составил не более 0,01). Можно предположить, что это связано с преобладанием определенных культурных факторов на Украине: национальность, религия и, что более важно, язык определенным образом усиливают западную ориентацию. При этом в Белоруссии и России эти факторы оказались незначимыми. Кроме того, высокий уровень жизни на Украине также связан со склонностью поддерживать прозападный выбор. Отчасти этот фактор проявился и в России. Характер зависимости между возрастом респондентов и зависимой переменной подтвердился во всех трех странах, однако в России соответствующий показатель не является статистически значимым. В целом полученный результат более или менее оправдал наши ожидания, учитывая высказанные предположения о том, как специфические культурные особенности украинцев могут повлиять на их выбор между Западом и Востоком, тогда как ситуация с Россией и Белоруссией остается неоднозначной.

Таблица 5. Модель, объясняющая отношение к членству в ЕС / НАТО
(регрессионное оценивание методом МНК)

	Белоруссия		Украина		Россия	
	Частн. коэф.	Станд. коэф.	Частн. коэф.	Станд. коэф.	Частн. коэф.	Станд. коэф.
Возраст	-.02*	-.11*	-.02*	-.10*	-.01	-.06
Пол	.20	.05	.36*	.06*	-.16	-.04
Образование (общее ср.)						
Среднее специальное	-.06	-.01	.10	.02	-.11	-.02
Высшее профессиональное	.07	-.01	.66	.11	-.19	-.03
Замужем/женат	.02	.01	.01	.00	-.22	-.05
Экономически занятый	.22	.05	.03	.01	.02	.00
Высокий уровень жизни	-.26	-.07	1.05*	.22*	.26*	.08*
Гражданство	.43	.07	.57*	.08*	-.22	-.03
Язык	-.06	-.01	1.73*	.30*	.75	.06

⁶ В [Kubicek 2000; Munro 2007] и других работах исследовалось влияние региона на поддержку различных вариантов внешней политики вне зависимости от факторов, связанных с «идентичностью», языком и т. д.

⁷ Корреляция между поддержкой членства в ЕС и членства в НАТО составляет: в Белоруссии $r = 0,42$; на Украине $r = 0,5$; в России $r = 0,31$.

Окончание табл. 5

	Белоруссия		Украина		Россия	
	Частн. коэф.	Станд. коэф.	Частн. коэф.	Станд. коэф.	Частн. коэф.	Станд. коэф.
Часто посещает церковь	.08	.10	.33*	.14*	-.04	-.02
Константа	2.02		.58		5.16	
Норм. R-квадрат	.01		.25		.01	
<i>N</i>	(587)		(1,170)		(1,303)	

* Коэффициент статистически значим при $p < 0,01$.

Источник: Опросы (см. Приложение); данные 2006 г. по Белоруссии и Украине, а также 2005 г. по России.

Примечание. В таблице приведены результаты регрессионного оценивания модели, объясняющей распределение поддержки членства в ЕС и НАТО методом МНК путем объединения вопросов из табл. 3 и 4 в единую шкалу от 0 до 10. Возраст исчисляется в полных годах, уровень жизни и частота посещения церкви исчисляются по 5-балльной шкале. Все прочие переменные – бинарные. Национальность и язык кодировались как белорусский, украинский и русский соответственно.

Восток

Выбор в пользу Запада не является единственно возможным для «промежуточных государств». Существует и «восточный» выбор, который исходит, прежде всего, из необходимости и перспективы более тесного сотрудничества со славянскими странами-соседями. Такое сотрудничество, как было показано ранее, основано на гораздо более разнообразных факторах, нежели обязательства перед СССР. Оно отражает наличие общей истории, языка, а также сходство культур и религий, на которые распад Советского Союза не оказал практически никакого влияния. Тому свидетельство – аудитория русскоязычных средств массовой информации на Украине и особенно в Белоруссии (где российские телеканалы просматривает в 3 раза больше людей, чем белорусские [Korosteleva 2008]). Другим подтверждением является интенсивность потоков внешней торговли, являющихся прямым следствием советской экономики, которая представляла собой сложный комплекс, состоящий из автомобильных, железнодорожных и воздушных путей сообщения, центром которого была Москва. Более половины (55%) внешней торговли Белоруссии приходится на страны СНГ, тогда как 47% – на Россию (по данным belstat.gov.by за 2006 г., доступным 23 января 2008 г.). Выше уже было показано, что Россия также является крупнейшим торговым партнером Украины и обеспечивает значительное число приезжих в эту страну.

Однако выбор в пользу Востока обусловлен не только прежде единой экономической системой. Он также связан с тем, в какой степени славянские и постсоветские республики представляют единое культурное пространство с едиными границами, общностью языка, потоками миграции и тесными семейными связями. Мы попытались определить это несколькими способами. К примеру, украинским респондентам был задан вопрос о том, имеют ли они родственников в России. Почти у половины (47%) имелись один или несколько родственников, проживающих в России, и почти у четверти (23%) ответивших имелись близкие родственные связи с людьми, прожи-

вающими в других странах СНГ. Иными словами, приблизительно у трех четвертей наших украинских респондентов существуют близкие семейные связи с людьми из бывших советских республик. Примерно две трети опрошенных на Украине бывали в России, 28% – в Белоруссии. При этом только 4% когда-либо посещали Венгрию или Чехию, не говоря уже о других развитых западных странах. Приблизительно у такой же доли белорусов (63%) имеются родственники в России и других странах СНГ, в большинстве своем они бывали в России (81%) и на Украине (67%), и только соответственно 5% и 8% опрошенных ездили в Венгрию или Чехию.

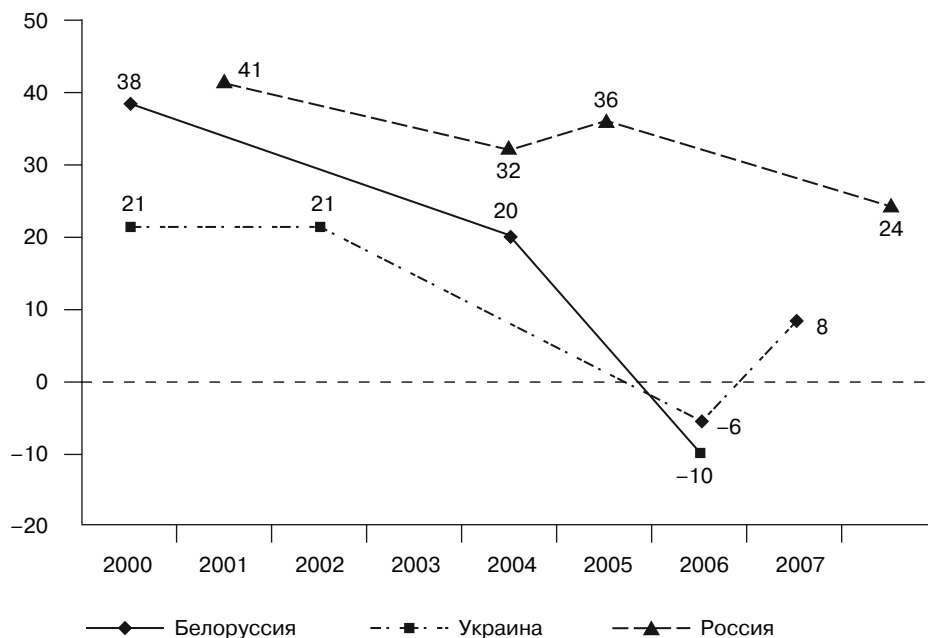
Чтобы понять природу этой славянской общности, мы прежде всего попытались выяснить, как относятся респонденты к распаду СССР, считают ли они произошедшее катастрофой (табл. 6, рис. 2). С утверждением «в 2006 г. мало кто сожалел о том, что СССР больше не существует» согласились немногие, тогда как доля положительных ответов была довольно значительна (в 2007 г. на Украине данное утверждение снова поддержало большинство). Кроме того, сожаление по поводу распада СССР также характерно для большинства российских респондентов: в ежегодном послании Федеральному Собранию В. Путин назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века» [Российская газета, 26 апреля 2005].

Для россиян СССР остается, по сути, символом советской системы, которая имеет свои положительные и отрицательные черты. Для белорусов и украинцев он также олицетворяет время, когда их страны были союзными республиками, а не независимыми государствами. С одной стороны, распад Советского Союза означал собой окончание периода, в течение которого эти республики были подчинены Москве, а не собственным избранникам, с другой – отсутствие сожаления по поводу распада СССР означает поддержку национального суверенитета, при этом не обязательно направленную против экономической и политической системы, существовавшей в прошлом. Безусловно, между этими позициями наличествует связь: те, кто сожалает о распаде Советского Союза, в большей степени склонны одобрять советскую систему, и, соответственно, наоборот. Однако эти точки зрения не являются идентичными.

Таблица 6. Сожаление о распаде СССР (2000–2008 гг.), %

	Белоруссия			Украина				Россия		
	2000 г.	2004 г.	2006 г.	2000 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2004 г.	2005 г.	2008 г.
Полностью согласен	34	25	12	39	35	18	25	38	41	29
Согласен	31	29	27	18	22	23	23	25	25	28
Не согласен	16	20	29	17	19	26	18	20	19	23
Абсолютно не согласен	11	14	21	19	17	23	22	11	11	10
Не знаю/ Затрудняюсь ответить	8	12	12	7	8	9	12	6	5	9
<i>N</i>	1090	1599	1000	1590	2000	1600	1200	2000	2000	2000

Источник: Опросы (см. Приложение). Вопрос был сформулирован следующим образом: «Считаете ли Вы большой бедой то, что СССР больше не существует?» Представлены округленные процентные данные.

Источник: Данные табл. 6.

Примечание. Цифры отражают процент тех, кто сожалеет о распаде СССР.

Рис. 2. Ностальгия по СССР (2000–2008 гг.)

Меньше расхождений во мнениях было обнаружено в связи с вопросом о том, насколько тесно должны сотрудничать постсоветские республики, в частности, в рамках Содружества Независимых Государств (табл. 7). В Беларуси и на Украине сторонников идеи воссоздания унитарного государства на территории бывшего СССР оказалось меньше, чем в России. В целом к созданию единого государства во всех трех странах положительно относится все меньшее количество респондентов и растет убежденность в поддержании статус-кво. Несмотря на это, более двух третей белорусов и украинцев и почти две трети россиян считают, что бывшие советские республики должны, по меньшей мере, наладить более тесное сотрудничество. Почти никто из опрошенных во всех трех странах не считает, что сотрудничество со странами СНГ нужно свести к минимуму или вовсе упразднить эту организацию. Как и предполагалось, была обнаружена тесная связь между ностальгией по Советскому Союзу и мнением о необходимости более тесного сотрудничества бывших советских республик: те, кто сожалел о распаде СССР, вдвое чаще отвечали, что бывшие советские республики должны объединиться в единое государство, и наоборот. Но наиболее выразительным результатом оказалось то, что подавляющее большинство участников опроса во всех трех странах высказались за развитие более тесного сотрудничества, тогда как в России до сих пор многие убеждены в необходимости создания единого государства на базе СНГ.

Таблица 7. Отношение к СНГ (2004–2008 гг.), %

	Белоруссия		Украина			Россия	
	2004 г.	2006 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2005 г.	2008 г.
Страны должны объединиться в единое государство	25	17	27	16	18	39	28
Страны должны более тесно сотрудничать	52	52	54	55	53	38	36
Сотрудничество должно остаться на прежнем уровне	8	19	7	15	14	10	16
Необходимо сократить сотрудничество	1	1	3	2	3	2	2
СНГ должно быть распущено	5	2	3	3	5	4	4
Не знаю/Затрудняюсь ответить	10	9	7	10	8	9	14
<i>N</i>	1599	1000	2000	1600	1200	2000	2000

Источник: Опросы (см. Приложение).

Наша исходная предпосылка состояла в том, что переменные, объясняющие приверженность «восточным» настроениям, будут иметь обратный эффект по сравнению с моделью, в которой объясняется склонность к выбору в пользу Запада. Частично это отражено в табл. 8. Здесь в качестве зависимой переменной используется шкала, сочетающая информацию об отношении к распаду СССР и роли СНГ. Регрессия строится на основе тех же факторов, которые использовались в представленной в табл. 5 модели. Как и в предыдущем случае, возраст является статистически значимым фактором: чем он выше, тем респонденты более склонны сожалеть о распаде Советского Союза, в большей мере поддерживают более тесное сотрудничество с другими странами СНГ. Этот эффект достаточно силен во всех трех случаях, однако наиболее выражен в Белоруссии (единственный статистически значимый фактор из всех представленных). Гендерные различия также имеют значение, по крайней мере на Украине и в России. Культурные факторы — язык и религия — вновь более отчетливо проявились на Украине, чем в Белоруссии и России. Социально-экономические факторы также оказывают влияние на мнение респондентов: люди с более низким уровнем образования и уровнем жизни в большей степени склонны к ностальгии по СССР и поддержке интеграции СНГ. В России определенную роль играет уровень жизни.

Восток или Запад?

Мы отнюдь не собираемся переоценивать влияние избирателей на внешнюю политику или влияние внешней политики на мнение избирателей. Однако в более ранних работах мы показывали, что общественное мнение задает «ограничения для внешней политики, проводимой властями, даже в тех случаях, когда эти вопросы не обсуждались непосредственно на предшествующих выборах» [White, McAllister, Light, Löwenhardt 2002, p. 198]. В каждой из стран мы обнаружили наличие значительной

Таблица 8. Модель, объясняющая отношение к СССР/СНГ (регрессионное оценивание методом МНК)

	Белоруссия		Украина		Россия	
	Частн. коэф.	Станд. коэф.	Частн. коэф.	Частн. коэф.	Станд. коэф.	Частн. коэф.
Возраст	,04*	,31*	,03*	,20*	,04*	,28*
Пол	-,12	-,03	-,38*	-,09*	-,27*	-,06*
Образование (общее среднее)						
Среднее специальное	,27	,06	-,31	-,07	-,23	-,05
Высшее профессиональное	-,13	-,03	-,75*	-,16*	-,46	-,07
Замужем/женат	,27	,06	,10	,02	,09	,02
Экономически занятый	-,19	-,05	-,25	-,06	,12	,03
Высокий уровень жизни	-,14	-,04	-,47*	-,13*	-,30*	-,09*
Гражданство	,43	,07	-,23	-,04	-,28	-,04
Язык	,00	,00	-,83*	-,19*	-,05	-,01
Часто посещает церковь	,06	,03	-,24*	-,13*	,07	,03
Константа	4,64		7,89		6,88	
Норм. R-квадрат	,13		,16		,11	
N	(825)		(1,336)		(1,775)	

* Коэффициент статистически значим при $p < 0,01$.

Источник: Опросы (см. Приложение).

Примечание. В таблице приведены результаты регрессионного оценивания модели, объясняющей распределение поддержки членства в ЕС и НАТО методом МНК путем объединения вопросов из табл. 6 и 7 в единую шкалу от 0 до 10. Возраст исчисляется в полных годах, уровень жизни и частота посещения церкви исчисляются по 5-балльной шкале. Все прочие переменные – бинарные. Национальность и язык кодировались как белорусский, украинский и русский соответственно.

поддержки как западного, так и восточного пути, и обе эти ориентации зависят от разных социальных характеристик, таких как язык, религия, уровень образования и дохода. Что более важно, они связаны с различными уровнями политической активности, в частности на Украине. «Многовекторная» внешняя политика подразумевает как прозападные, так и провосточные настроения, и сочетает соперничающие сущности, опирающиеся на электоральную поддержку. Чем сильнее различия и чем большую поддержку они находят среди различных групп населения, тем сложнее правительству страны избежать подобной двойственности и склонить к одному из направлений. Чем выше уровень общественного согласия, тем ниже политические издержки подобных решений.

Ранние работы, в том числе и наши собственные, уделяли особое внимание «европейскому» выбору и пытались измерить его на основе уровня поддержки возможного членства в Евросоюзе (см., например [Korosteleva, White 2006]). В данной работе мы использовали более широкое понятие, сочетающее отношение к членству в ЕС с оценками перспектив вступления в НАТО, и таким образом попытались нащупать отношение к западной системе в целом. Эти два параметра, как было показано, тесно связаны между собой. Кроме того, они являются неотъемлемыми элементами внешнеполитического курса, в особенности на Украине, где «евроатлантическая» ориентация подразумевает их разумное сочетание. Кроме того, мы также принимаем во внимание идеи, изложенные в предыдущем разделе, согласно которым отношение к более тесному сотрудничеству между странами – участниками СНГ взаимосвязано с отношением населения к распаду СССР. Однако мы, безусловно, принимаем тот факт, что сожаление по поводу распада Советского Союза не имеет применения к анализу политических последствий.

Все возможные сочетания «положительного», «отрицательного» и «нейтрального» отношений к Востоку и Западу мы попытались обобщить в табл. 9, содержащей девять идеальных типов. Так, для «пессимистов» характерно негативное отношение к любой из потенциальных возможностей (им чужда идея членства в ЕС и НАТО, но они также не сожалеют о распаде СССР). «Оптимисты», наоборот, поддерживают необходимость сочетания обеих возможностей. Однако существуют и промежуточные типы респондентов, для которых, например, прозападная ориентация сочетается с отрицательным отношением к восточному пути; сильная прославянская позиция у некоторых может сочетаться с негативным отношением к членству в ЕС и НАТО. Кроме того, среди респондентов также были те, кто более или менее равнодушен к любой из имеющихся альтернатив. И чем разнообразнее будет общественное мнение в этих аспектах, тем более «многовекторной» должна быть внешняя политика, чтобы быть в состоянии удовлетворить общественность.

Таблица 9. Отношения между взглядами на Запад и Восток

Отношение к Западу	Отношение к Востоку		
	Негативное	Нейтральное	Положительное
Отрицательное	Пессимистические	Антизападные	Провосточные
Нейтральное	Антивосточные	Равнодушные	Умеренно-восточные
Положительное	Прозападные	Умеренно-западные	Оптимистические

Каким же образом эти идеальные типы распределены в трех исследуемых странах? Согласно данным табл. 10, наиболее распространенной является восточная ориентация. Ее придерживается около половины всех респондентов в каждой из трех стран. Отчасти это соответствует тем ожиданиям, которые сформировались в ходе предшествующего анализа. Однако имеются и значительные расхождения. В частности, сильно поляризованным оказалось украинское общество. Доля тех, кто выбрал прозападную ориентацию, как и тех, кто склоняется в пользу восточной, в ней выше, нежели в других странах; кроме того, в ней довольно высок процент как «строго прозападных», так и «строго провосточных» респондентов. В Белоруссии и России доля опрошенных, одновременно сожалеющих о распаде СССР и поддержавших интегра-

цию СНГ, примерно равна аналогичной доле у украинцев, однако при этом соответствующие настроения у россиян и белорусов выражены в меньшей степени.

Наши результаты также показывают, что на Украине меньше всего равнодушных граждан, посредственно относящихся к обоим возможным альтернативам. Вместе с тем для нее характерна самая высокая доля «оптимистов», поддерживающих оба варианта. В Белоруссии эта группа оказалась самой многочисленной. «Оптимисты» в России по численности на втором месте. В то же время на Украине наибольшая доля участников опроса из всех вариантов предпочла для своей страны «строго восточный» путь, что еще раз подтверждает поляризованность настроений украинцев. И эта двойственность довольно сильно повлияла на разнонаправленность ее внешней политики. Мнения россиян и белорусов менее неоднородны, что служит основой для существования более схожих политических сообществ и накладывает меньше ограничений на политику, осуществляемую властями. В реальности белорусская внешняя политика демонстрирует определенную двойственность по сравнению с Россией, где четко выражена политическая ориентация на укрепление сотрудничества с бывшими советскими республиками. Тем не менее в обеих странах власти имеют большое пространство для маневра в области внешней политики вследствие отсутствия строгих противоречий внутри самих обществ.

Таблица 10. Распределение мнений, %

	Белоруссия	Украина	Россия
<i>Отношение к Востоку</i>			
Провосточное	14	27	11
Антизападное	11	13	4
Умеренно-восточное	20	12	32
<i>(Всего против Запада)</i>	<i>(45)</i>	<i>(52)</i>	<i>(47)</i>
<i>Отношение к Западу</i>			
Прозападное	6	7	2
Антивосточное	6	4	3
Умеренно-западное	9	14	12
<i>(Всего)</i>	<i>(21)</i>	<i>(25)</i>	<i>(17)</i>
<i>Колеблющиеся</i>			
Двойственные	24	17	13
Пессимистические	2	2	2
Оптимистические	8	4	21
<i>(Всего)</i>	<i>(34)</i>	<i>(23)</i>	<i>(36)</i>
Всего	100	100	100
<i>N</i>	<i>(533)</i>	<i>(1,024)</i>	<i>(1,228)</i>

Источник: Опросы (см. Приложение).

В данном контексте российская внешняя политика имеет несколько отличительных черт. Конечно, Россию с трудом можно причислить к «промежуточным» государствам. Тем не менее геополитические особенности России необходимо учитывать при сравнении российской внешней политики с белорусской или украинской.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что внешняя политика России может быть достаточно гибкой. Из трех рассматриваемых нами стран в России наиболее высок процент респондентов, поддерживающих славянский (восточный) путь, и довольно большое количество людей, сожалеющих о распаде СССР. И все же весьма многочисленной группой являются люди, придерживающиеся умеренных взглядов и не исключающие возможность, пусть и гипотетическую, членства в ЕС или НАТО. При этом в России также велик процент «оптимистов», которые симпатизируют как Востоку, так и Западу.

Наиболее значимые выводы из проведенного нами исследования были получены для Украины. Дело в том, что именно на Украине наиболее сильно поляризованы взгляды на внешнюю политику государства, что обусловлено ее культурным многообразием и чрезвычайной чувствительностью к общественному мнению (особенно в связи с потенциальной возможностью членства в НАТО). Необходимость проведения политики в интересах населения обострилась в связи с событиями, которые повлекло за собой решение президента и его команды инициировать программу, призванную обеспечить более тесное сотрудничество с НАТО. Что касается Белоруссии, то, несмотря на свою преимущественно славянскую (восточную) позицию, она вполне могла бы пойти на улучшение взаимоотношений с западными странами, если бы ее граждане сумели найти возможность убедить в этом свои власти.

В отношении России наши результаты оказались довольно оптимистичными. Как показывают результаты исследования, россияне в большей степени поддерживают славянские (восточные) настроения, в большей степени сожалеют о распаде СССР и больше, чем их соседи, склонны поддерживать создание унитарного государства на базе СНГ. Другие исследования также свидетельствуют о том, что для россиян развитие и налаживание дружеских отношений с бывшими советскими республиками более важно, нежели развитие отношений с западными странами. Кроме того, в России практически нет разногласий между массовым общественным мнением и официально проводимой политикой, укрепившей ее позиции на постсоветском пространстве и в Организации Договора о коллективной безопасности, которая призвана защищать пророссийские интересы. При этом общество не исключает возможности сближения с ЕС и НАТО, а в некоторых случаях и перспективы возможного членства в этих организациях. Россиян в большей степени беспокоят исламский фундаментализм и организованная преступность. Эти взгляды, как мы предполагаем, отражают те аспекты идентичности и культуры, которым большое внимание уделяют конструктивисты. И чем более внутренняя политика этих стран будет способствовать развитию этих аспектов, тем большее участие в выработке национальной политики смогут обеспечить себе их граждане.

Перевод с английского Г.А. Ястребова

Приложение

Наши обследования проводились национальными агентствами в соответствии с международными стандартами. Опрос проводился в формате персональных интервью на дому у респондентов. Выборки представительны по возрасту от 18 лет. Агентства контролировали заполнение анкет и логическую состоятельность данных. Исходные

данные и сопроводительные документы находятся в Архиве данных Соединенного Королевства.

Обследование в Белоруссии в 2000 г. проводилось компанией Novak под руководством А. Вардоматского. Полевой этап был проведен с 13 по 27 апреля. Опрос проводился в 62 точках с привлечением 90 интервьюеров ($n = 1090$). Исследование 2004 г. проводилось агентством Russian Research с 27 марта по 18 апреля ($n = 1597$); опрос прошел в 288 точках. В исследовании приняли участие 120 интервьюеров. Аналогичный опрос 2006 г. был проведен Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета под руководством Д. Ротмана в период с 5 по 19 июня ($n = 1000$).

Украинский опрос 2000 г. был выполнен Киевским международным институтом социологии под руководством В. Паниотто и В. Карук. Полевой этап проводился с 18 февраля по 3 марта 2000 г. ($n = 1590$); опрос был проведен в 110 точках 125 интервьюерами. Исследование 2004 г. было проведено агентством Russian Research в период с 23 марта по 2 апреля ($n = 2000$); 259 выборочных точек, 187 интервьюеров. Обследование 2006 г. проведено агентством Russian Research с 24 апреля по 12 мая ($n = 1600$); 131 выборочная точка при участии 55 интервьюеров. Исследование 2007 г. проведено киевским агентством Socis в период с 17 ноября по 3 декабря ($n = 1200$); 86 точек, 102 интервьюера.

В России опрос 2000 г. проводился Всероссийским центром изучения общественного мнения, 19–29 января ($n = 1940$); 107 выборочных точек в 38 из 89 субъектов Федерации при участии 193 интервьюеров. Исследование 2004 г. выполнено агентством Russian Research в период с 21 декабря по 16 января 2004 г. ($n = 2000$); 97 выборочных точек, 150 интервьюеров. Обследование 2005 г. проведено тем же агентством с 23 марта по 20 апреля ($n = 2000$); 97 точек, 150 интервьюеров.

Литература

- Лукашенко А.Г. Внешняя политика республики Беларусь в новом мире // Вестник Министерства заграничных спрау республики Беларусь. 2004. № 3 (30).
Евробарометр. 2006. № 64 (www.eurobar.eu.int).
Народное хозяйство СССР в 1987 г. М.: Финансы и статистика, 1988.
Allison R., Light M., White S. Putin's Russia and the Enlarged Europe. Oxford and Malden MA: Blackwell, 2006.
Allison R., White S., Light M. Belarus between East and West // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2005. 21:4 (December).
Almond G.A. The American People and Foreign Policy. N.Y.: Harcourt; Brace, 1950.
Åslund A., McFaul M. (eds.). Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough. Washington DC: Carnegie, 2006.
Barrington L., Herron E. One Ukraine or Many? Regionalism in Ukraine and its Political Consequences // Nationalities Papers. 2004. 32:1 (March).
Baycroft T. European Identity // Social Identities: Multidisciplinary Approaches / G. Taylor, St. Spencer (eds.). L.: Routledge, 2004.
Birch S. Interpreting the Regional Effect in Ukrainian Politics // Europe-Asia Studies. 2000. 52:6 (September).
Bruter M. Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity. L.: Palgrave, 2005.
Buonanno L., Deakin A. European Identity // European Union Enlargement / N. Nugent (ed.). Basingstoke: Palgrave, 2004.

- Cederman L.-E.* (ed.). *Constructing Europe's Identity: The External Dimension*. Boulder CO and London: Lynne Rienner, 2001.
- Chudovsky V., Kuzio T.* Does Public Opinion Matter in Ukraine? The Case of Foreign Policy // *Communist and Post-Communist Studies*. 2003. 36:3 (September).
- D'Anieri P.* *Understanding Ukrainian Politics: Power, Politics, and Institutional Design*. Armonk N. Y.: Sharpe, 2007.
- Herrmann R.K., Risse T., Brewer M.B.* (eds.). *Transnational Identities: Becoming European in the EU*. Lanham MD: Rowman & Littlefield, 2004.
- Hesli V.L.* The 2006 Parliamentary Election in Ukraine // *Electoral Studies*. 2007. 26:2 (June).
- Holsti O.R.* *Public Opinion and American Foreign Policy* / A. Arbor (ed.). MI: University of Michigan Press, 2004.
- Hopf T.* *Social Construction of International Politics*. Ithaca NY and London: Cornell University Press, 2002.
- Huntington S.P.* *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y.: Simon & Schuster, 1996.
- Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993. 72:3 (Summer).
- Jackson R., Sørensen G.* *Introduction to International Relations: Theories and Approaches*, 3rd ed. Oxford and N. Y.: Oxford University Press, 2007.
- Jervis R.* Realism in the Study of World Politics // *International Organization*. 1998. 52:4 (October).
- Katchnovski I.* Regional Political Dimensions in Ukraine in 1991–2006 // *Nationalities Papers*. 2006. 34:5 (November).
- Korosteleva E.* Personal Communication. 2008. Annual Conference of British Association of Slavonic and East European Studies, Fitzwilliam College, University of Cambridge, 29–31 March 2008.
- Korosteleva J., White S.* “Feeling European”: the View from Belarus, Russia and Ukraine // *Contemporary Politics*. 2006. 12:2 (June).
- Kubicek P.* Regional Polarisation in Ukraine: Public Opinion, Voting and Legislative Behaviour // *Europe-Asia Studies*. 2000. 52:2 (March).
- Kuzio T.* (ed.). *Democratic Revolution in Ukraine: from Kuchmagate to Orange Revolution* // *Journal of Communist Studies and Transition Politics* (special issue). 2007b. 23:1 (March).
- Kuzio T.* *Ukraine-Crimea-Russia: Triangle of Conflict*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2007a.
- Munro N.* Which Way does Ukraine Face? Popular Orientations toward Russia and Western Europe // *Problems of Post-Communism*. 2007. 54:6 (November – December).
- Palii O.* *Navishcho Ukraïni NATO?* Kyiv: Dnipro, 2006.
- Panina N.* *Ukraïns'ke suspil'stvo 1992–2006: sotsiologichnii monitoring*. Kyiv: Institut sotsiologii NAN Ukraïni, 2006.
- Plokhy S.* *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. N. Y.: Cambridge University Press, 2006.
- Prizel I.* *National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Rice C.* Цитата из телевизионного интервью с сайта: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/4472613.stm> по состоянию на 10 ноября 2007 г.
- Rose R., Munro N.* Do Russians See their Future in Europe or the CIS? // *Europe-Asia Studies*. 2008. 60:1 (January).
- Shulman S.* The Contours of Civic and Ethnic National Identification in Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2004. 56:1 (January).
- Snyder T.* *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven CT: Yale University Press, 2003.
- White S., Korosteleva E., Löwenhardt J.* (eds.). *Post-Communist Belarus*. Lanham MD: Rowman & Littlefield, 2005.
- White S., Korosteleva J., Allison R.* NATO: the View from the East // *European Security*. 2006. 15:2 (June).

-
- White S., Korosteleva J., McAllister I.* A Wider Europe? The View from Russia, Belarus and Ukraine // Journal of Common Market Studies. 2008 (в печати).
- White S., Light M., McAllister I.* Russia and the West: is there a Values Gap? // International Politics. 2005. 42:3 (September).
- White S., McAllister I., Light M.* Enlargement and the New Outsiders // Journal of Common Market Studies. 2002. 40:1 (March).
- White S., McAllister I., Light M., Löwenhardt J.* A European or a Slavic Choice? Foreign Policy and Public Attitudes in Post-Soviet Europe // Europe-Asia Studies. 2002. 54:2 (March).
- Wilson A.* Ukraine's Orange Revolution. New Haven and London: Yale University Press, 2005.
- Wolff L.* Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford CA: Stanford University Press, 1994.
- Zehfuss M.* Constructivism in International Relations: The Politics of Reality. Cambridge and N. Y.: Cambridge University Press, 2002.